

О. В. Ауров^{ab}

ORCID: 0000-0002-0755-9902

✉ olegaurov1@yandex.ru

^a *Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, Москва)*^b *Российский государственный гуманитарный университет (Россия, Москва)*

АЛЕКСАНДР РАФАИЛОВИЧ КОРСУНСКИЙ: ФРОНТОВОЙ ОПЫТ ИСТОРИКА-МЕДИЕВИСТА

Аннотация. Статья посвящена влиянию фронтового опыта на профессиональную деятельность историка-медиевиста на примере биографии А. Р. Корсунского (1914–1980). В основе исследования — источники из фондов ЦАМО и Архива кафедры истории Средних веков исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Подобно военным биографиям таких выдающихся медиевистов, как Эрнст Канторович и Марк Блок, боевой путь Корсунского оказал непосредственное влияние на его творчество. Успевший на фронт в июле 1941 г., сразу после защиты кандидатской диссертации, он участвовал в битвах на Курской дуге, форсировании Днепра и Корсунь-Шевченковской наступательной операции. Большое влияние на его взгляды оказал опыт службы в качестве офицера-пропагандиста, а позднее — офицера политотдела 1-й гвардейской армии. Следствием военного опыта стали укрепление и углубление марксистских убеждений Корсунского, несмотря на критическое отношение к отдельным сторонам советской действительности. Поддерживая тесные связи с зарубежными коллегами, воспринимая свою работу как часть мировой науки, Корсунский вместе с тем, подобно многим другим бывшим фронтовикам, оставался верен марксистским убеждениям до конца жизни.

Ключевые слова: военный опыт, история исторической науки, медиевистика, медиевализм, А. Р. Корсунский, Э. Канторович, М. Блок, историк и общество

Для цитирования: Ауров О. В. Александр Рафаилович Корсунский: фронтовой опыт историка-медиевиста // Шаги/Steps. Т. 9. № 2. 2023. С. 187–212. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2023-9-2-187-212>.

Благодарности. Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (№ соглашения о предоставлении гранта: 075-15-2022-326).

Статья поступила в редакцию 4 декабря 2022 г.
Принято к печати 10 января 2023 г.

O. V. Aurov^{ab}

ORCID: 0000-0002-0755-9902

✉ olegaurov1@yandex.ru

^a *The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration (Russia, Moscow)*

^b *Russian State University for the Humanities (Russia, Moscow)*

ALEXANDER R. KORSUNSKY: THE COMBAT EXPERIENCE OF A MEDIEVALIST

Abstract. The article considers the problem how combat experience influenced professional activity in the sphere of medieval studies, based on the case of A. R. Korsunsky (1914–1980). The study draws on documents from the Central Archives of the Ministry of Defense (Moscow) and from the Archive of the Medieval Studies Department of the Faculty of History, Moscow State University. The influence of Korsunsky's combat experience is studied in the context of some clear parallels with the combat biographies of Ernst Kantorowicz and Marc Bloch. Some important tendencies of their scholarly activity can be explained only by this factor. Korsunsky became a volunteer in July, 1941, at the beginning of the Great Patriotic War. He participated in the battles of Kursk (1943), of Dnieper River (1943) and the Korsun-Shevchenkovsky offensive (1944). At the same time, his scholarly views were greatly influenced by his experience as a propaganda officer and as an officer of the Political Department of the 1st Guards Army Staff (since 1944). The main result of this experience (both combat and that as staff officer) was to strengthen and consolidate his Marxist vision of historical processes, in spite of his critical attitude towards some aspects of Soviet life. While Korsunsky maintained close links with foreign colleagues and saw his work as part of world scholarship, he, like many other former veterans, remained true to Marxist views to the end of his life.

Keywords: combat experience, historiography of historical scholarship, medieval studies, medievalism, Alexander Korsunsky, Ernst Kantorowicz, Marc Bloch, the historian and society

Acknowledgements. The article was prepared in the framework of a research grant funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (grant ID: 075-15-2022-326).

To cite this article: Aurov, O. V. (2023). Alexander R. Korsunsky: The combat experience of a medievalist. *Shagi / Steps*, 9(2), 187–212. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2023-9-2-187-212>.

Received December 4, 2022

Accepted January 10, 2023

1. Вступительные замечания: А. Р. Корсунский, Э. Канторович, М. Блок

Предмет этой статьи — размышления о роли военного опыта в профессиональном становлении историка-медиевиста. Я попытаюсь осмыслить эту роль на примере жизненного пути известного советского ученого Александра Рафаиловича Корсунского (1914–1980; далее — А. Р.), труды которого не только по медиевистике, но и в области антиковедения, на мой взгляд, до сих пор не получили должной оценки.

Известный в среде антиковедов, прежде всего своей развернутой и аргументированной критикой концепции «революции рабов» (после чего упоминания о ней окончательно исчезли из учебной и научной литературы), он внес не менее существенный вклад в изучение целого ряда других проблем истории поздней античности, раннего и частично Высокого Средневековья. В их числе социально-экономический строй Поздней Римской империи, отказ от тех элементов германистских представлений (которые утвердились в советской медиевистике главным образом через посредство трудов Ф. Энгельса), ключевые проблемы истории вестготской Испании (ранее практически не изучавшейся в Советском Союзе), ряд сюжетов испанской истории VIII–XIII вв. и некоторые другие ([Москаленко 1980; Варьяш 1982; 1991; Мильская, Варьяш 1983; Мильская 2000] и др.). Кроме того, по существу именно А. Р. стал создателем национальной школы историков-испанистов, продолжив традицию основоположника отечественной испанистики Владимира Константиновича Пискорского (1867–1910), в свою очередь являвшегося учителем Николая Павловича Грацианского (1886–1945), наставника А. Р. и руководителя его кандидатской диссертации. Именно с испанистикой он прежде всего связывал сферу своих научных интересов, хотя в числе его учеников было немало специалистов, не занимавшихся испанской историей, а посвятивших себя иным проблемам раннего Средневековья [Филиппов 2023].

Что же касается военного опыта А. Р., то он до сих пор остается неизученным сюжетом его биографии. Важность этого периода в жизни А. Р. очевидна: на фронт ушел в относительно молодом возрасте; в июле 1941 г., когда А. Р. попал в действующую армию, ему было 27 лет, а день Победы он встретил в возрасте 31 года. Вместе с тем Корсунского никак нельзя сравнивать с представителями «поколения двадцатилетних лейтенантов», шагнувших на фронт прямо со школьной скамьи и сложившихся как личности главным образом (если не исключительно) в военные годы. К июлю 1941 г. А. Р. успел определиться в профессии, получить опыт преподавания, защитить кандидатскую диссертацию под руководством Н. П. Грацианского, т. е. являлся уже вполне сложившимся молодым исследователем. Мог ли военный опыт добавить что-либо к почерку уже сформировавшегося историка-профессионала? Ответ на этот вопрос вовсе не кажется очевидным и явно требует специального исследования.

В более широком плане изначально неясно, можно ли говорить о влиянии фронтового опыта на ученых-медиевистов, посвятивших себя тематике, внешне хронологически и содержательно удаленной от жизненной повседневности, являющейся частью мира кабинетных ученых, жрецов высокой науки,

труды лучших из которых столь же изысканны по форме и содержанию, как и несоотносимы с болью и страданиями современного мира. Эта точка зрения распространена весьма широко, и без большого труда можно назвать десятки имен видных и признанных представителей нашей дисциплины, чьи творческие биографии отвечают нарисованному образу жреца высокой науки. Говоря словами Й. Хёйзинги, произнесенными в 1915 г., тот не должен уподобляться «Демосфену, который старается перекричать бурю»¹. Представляется, однако, что это восприятие средневековья является односторонним, поскольку существуют и совершенно противоположные примеры. В частности, это видно в случае двух выдающихся средневековедов, труды которых во-многом определили развитие их дисциплины в XX столетии.

Первый среди них — Эрнст Канторович (1895–1963), ушедший добровольцем на фронт в августе 1914 г. в возрасте 19 лет и сознательно посвятивший свою молодую жизнь Германии. Он пережил знаменитую «верденскую мясорубку», затем служил на Русском фронте и в Турции, был неоднократно ранен и к ноябрю 1918 г. являлся унтер-офицером артиллерии, удостоенным Железного креста 2-й степени (1915 г.) [Lerner 2017: 23–40]. Молодой человек из обеспеченной семьи, который предпочел спокойную и сытую жизнь сына предпринимателя из Позена (будущей Познани) суровой участи солдата Позенского артиллерийского полка, писал в августе 1914 г.: «Война это истинное величие, и люди ныне велики как никогда», и далее: «Я отдаюсь реалиям этой войны всем своим существом (...); мое бытие связано с Германией так же, как дыхание жизни связано с телом, из которого оно исходит (...). Я не спрашиваю, насколько справедлива эта война, я знаю лишь, что она идет» [Ibid.: 23–24].

В зависимости от политических пристрастий эти представления молодого Канторовича могут быть названы «немецким патриотизмом» или «прусским милитаризмом» (тем более, что после войны он еще успел повоевать в родном Позене против польских военных дружин, в конечном итоге поддержанных победителями). Но их глубина не вызывает сомнения. Более того, за годы войны — вопреки образу «потерянного поколения», утвердившегося с легкой руки Э. М. Ремарка, — фронтовой опыт Э. Канторовича не только не привел к эрозии этих идей и ценностей, но и значительно их укрепил, причем боль переживаний от поражения Германии, кажется, лишь увеличила их значимость.

Генезис Канторовича-медиевиста нельзя понять без учета этого фактора. Путь от представлений Канторовича-солдата к Канторовичу — создателю блестящего патриотического мифа об императоре Фридрихе II (1927) вполне ясен и внутренне логичен [Канторович 2022]. Иначе под его пером король Сицилии *Federico Ruggero Costantino di Hohenstaufen*, итальянец по рождению, воспитанию и мировоззрению, весьма опосредованно связанный с Гер-

¹ «Отправляясь сюда, вы, вероятно, полагали, что для человека, намеревающегося в нынешней обстановке изложить свой взгляд на мировую историю, существует лишь один предмет — исторические предпосылки мировой войны. В таком случае мне предстоит вас разочаровать, ибо речь у нас пойдет о другом. Если я в конечном счете все же разбуду тот ураганный ветер, который война порождает в ваших умах, произойдет это вопреки моему желанию. Историк не должен уподобляться Демосфену, который старался перекричать бурю: у него иные задачи» [Хейзинга 1992: 91]. Вопрос о том, в какой мере этот идеал удалось воплотить в своей жизни самому Й. Хёйзинге, в 1942 г. уволенному нацистами из Лейденского университета, остается открытым.

маний, ставший императором Священной Римской империи в силу сложившихся обстоятельств, не мог бы превратиться в воплощение германского духа и жесткого (хотя и просвещенного) политика того типа, о котором грезили немецкие правые 1920-х годов [Бойцов 2014: 15–19]. Более того, в широком смысле именно военный опыт в конечном итоге и сделал Э. Канторовича медиевистом, привел к той специализации в рамках исторической профессии, заниматься которой будущий историк изначально не собирался, но на которую обратил внимание именно в период работы над биографией Фридриха II.

Несколько по-иному, но столь же глубоко фронтовой опыт отразился на научных занятиях другого знаменитого медиевиста — Марка Блока (1886–1944), который в годы Первой мировой прошел путь от сержанта до капитана пехоты и стал кавалером Военного креста. Более того, в 1939 г., несмотря на возраст и вовсе не богатырское здоровье, «самый старый капитан французской армии» вновь поступил на службу, чтобы принять участие в новой мировой войне. После поражения Франции в июне 1940 г. М. Блок стал участником Сопrotивления и погиб как солдат в июне 1944 г. При этом очевидный для исследователей патриотизм М. Блока [Fink 1992]² имел совсем иную природу, чем патриотизм Э. Канторовича, находившегося по другую сторону фронта. В противовес романтизму последнего, у его французского визави внешним выражением патриотических убеждений стали напряженные раздумья о судьбах родины, особенно на фоне «странного поражения» июня 1940 г.

На фронте французский медиевист впервые оказался в возрасте 28 лет, молодым, но уже сложившимся ученым, с опытом стажировок в Берлине и Лейпциге в качестве стипендиата Фонда Тьера, с преподавательским стажем. При этом основная часть профессиональной карьеры М. Блока — университетское преподавание, главные труды, основание журнала «Анналы» и руководство им (совместно с Л. Февром) — пришлась на послевоенные (межвоенные) годы. Вместе с тем эти годы стали и временем напряженного осмысления французским историком своего военного опыта. Об этом свидетельствует уже первая статья, посвященная феномену распространения слухов в военное время [Bloch 1921]. Она зафиксировала проблему, разработка которой позднее привела к появлению книги «Короли-чудотворцы» (1924). В этот же ряд следует поставить и размышления, ставшие частью фронтовых воспоминаний о событиях 1914–1918 гг. [Bloch 1969]. И конечно, как уже говорилось выше, объектом рефлексии ученого стали причины и возможные следствия поражения Франции в июне 1940 г. Тексты о «странном поражении» составили книгу, вышедшую в свет после гибели их автора [Блок 1999].

Суммируя выводы о прямом влиянии военного опыта М. Блока на его концептуальные представления, Ж. Ле Гофф (обративший внимание на этот факт вслед за К. Гинзбургом) отмечал: «Война позволила Марку Блоку увидеть, как современное общество превращается в общество почти средневековое, возвращается назад к ментальности “варварской и иррациональной”». И далее: «Военный опыт утвердил Марка Блока в мысли, что если “незнание прошлого неминуемо ведет к непониманию настоящего”, то не менее верно и другое <...>: “понимать прошлое следует при помощи настоящего”». Отсюда значение,

²При этом французский патриотизм М. Блока вовсе не противоречил глубине его самосознания как еврея [Блок 1999: 267–268].

которое он придавал «регрессивному (ретроспективному. — О. А.) методу»» [Ле Гофф 1998: 17–19].

Приведенные выше соображения о значимости фронтового опыта для историков-медиевистов и о его несомненной уникальности, неповторимости и (вне зависимости от этого) большой важности для понимания истоков концептуальных представлений очень разных ученых, столкнувшихся с войной как состоянием общества и фактом личной биографии, позволяют осознать глубокую значимость этой проблемы. В этом контексте обращение к изучению роли фронтового опыта в жизни и научном творчестве еще одного медиевиста-фронтовика — А. Р. Корсунского — кажется вполне обоснованным.

Выходец из небогатой еврейской семьи, сын бухгалтера из Екатеринослава, еще во времена его детства ставшего Днепропетровском (1926), А. Р. начал трудовой путь мелким служащим, а в 1934 г., приехав в Москву, поступил в МГПУ (бывший 2-й МГУ), который вскоре, в 1938 г., получил имя В. И. Ленина. Там же поступил в аспирантуру и летом 1941 г. успешно защитил кандидатскую диссертацию³. Эта советская история успеха уже сама по себе наглядно объясняет глубокую и искреннюю лояльность А. Р. советской власти, которой он был обязан едва ли не всей своей карьерой. К июню 1941 г. А. Р. успел получить и педагогический опыт: его привлекли к работе на заочных отделениях Московского и Чувашского педагогических институтов, где он вел занятия по всеобщей истории⁴. Впереди была успешная (в том числе и материальная, по меркам советской жизни 1930-х годов) научная и преподавательская карьера. Но эту перспективу жестоко нарушила начавшаяся война. В этих условиях решение А. Р., молодого кандидата наук, пойти добровольцем в Красную армию уже в июле 1941 г.⁵ представляется вполне естественным и логичным. Летом 1941 г. таких людей были десятки тысяч, а перед дверями военкоматов выстраивались длинные очереди.

Тем не менее далеко не все из них сохранили это настроение в дальнейшем. Страшные поражения и отступления 1941–1942 гг., прямо противоречившие позитивной картине, распространявшейся довоенной советской пропагандой, породили психологические потрясения, которые смог преодолеть далеко не каждый. Не каждый же сумел удержаться и в выборе между достойной смертью и жизнью, купленной ценой позора и унижений. Сохранил ли (или даже упрочил) свои довоенные убеждения А. Р. Корсунский? Краткое описание им своего фронтового пути, данное в написанной его рукой автобиографии (1979 г.), выглядит весьма лапидарно и не дает ответа на этот вопрос:

В 1941 г. закончил аспирантуру и защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук. В июле 1941 г.

³ Архив. Ф. Ш. Оп. 1. Д. 83. Л. 19.

⁴ Личный листок по учёту руководящих кадров (Архив. Ф. Ш. Оп. 1. Д. 83. Л. 43).

⁵ О том, что А. Р. пошел в Красную армию добровольцем, мне известно из воспоминаний его племянника А. П. Марголиуса [б. д.]. Тем не менее (по меньшей мере в случае данных об А. Р. Корсунском) эти мемуары, по моим наблюдениям, не всегда отличаются точностью и нуждаются в дополнительной проверке. Сам А. Р. не упоминал о том, что оказался в армии не по призыву, а добровольно, хотя по косвенным данным (время поступления на военную службу, наличие ученой степени, статус вузовского преподавателя) этот вариант выглядит вполне возможным.

вступил в ряды Красной Армии. После окончания краткосрочного курса обучения в Горьковском артиллерийском училище уехал на фронт, где был сначала командиром взвода, а затем офицером связи в 1288 армейском [зенитно-]артиллерийском полку на Брянском и Воронежском фронтах. В 1942 г. до окончания войны служил в начале ст[аршим] инструктором по работе среди войск противника в 240 стрелковой дивизии, а затем инструктором 7 отдела Политотдела 1 Гвардейской армии на Воронежском, 2-м Украинском и 4-м Украинском фронтах. В мае 1943 г. стал членом КПСС. С октября 1945 г. до конца 1949 г. работал в Берлине в Управлении информации Советской военной администрации в Германии в качестве ст. референта⁶.

Вполне объяснимый формальный характер сообщения (автобиография писалась для выездного дела, оформлявшегося в связи с выездом в научную командировку в ГДР в октябре 1979 г.) не позволяет конкретизировать фронтовой путь А. Р. Корсунского. Возникает ощущение, что речь идет исключительно о штабной службе, не связанной с непосредственной опасностью для жизни. Безусловно, вопреки легковесным представлениям о войне, служба в штабе далеко не у всех была синекурой. Опасность присутствовала всегда, даже относительно далеко от линии фронта. И тем не менее.

Отмечу, что, если не ограничиваться одной лишь автобиографией и существенно расширить круг источников, образ Корсунского-фронтовика приобретает совершенно иное измерение. Что и будет показано ниже.

2. Основные источники

Главные документы, отражающие фронтовую биографию А. Р. Корсунского, содержатся в его личном деле офицера в фондах Центрального архива Министерства обороны РФ (ЦАМО) и в настоящее время для меня недоступны. Однако часть этих материалов (три приказа о награждении А. Р. Корсунского двумя орденами Красного знамени и орденом Отечественной войны II степени) в виде электронных фотокопий размещена на официальной странице проекта «Память народа»⁷. Там же есть и некоторые другие документы, позволяющие составить представление о военных событиях, за участие в которых был награжден А. Р. Сюда относятся приказы, боевые донесения, указания, штабные аналитические материалы, а также журналы боевых действий, касающиеся тех подразделений, соединений и объединений, в составе которых А. Р. находился в ходе событий, упоминаемых в наградных документах.

Недостаток информации в известной мере позволяют компенсировать данные из личного фонда А. Р. Корсунского, хранящегося в архиве кафедры истории Средних веков исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова (Ар-

⁶ Автобиография Корсунского Александра Рафаиловича (Архив. Ф. III. Оп. 1. Д. 83. Л. 20–20 об.). В тексте многочисленные зачеркивания и вставки, указывающие на черновой характер документа.

⁷ См.: https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_kartoteka1272003912. В некоторых документах ошибочно указаны место и время призыва А. Р. Корсунского в Красную армию (Златоустовский РВК Челябинской области, июнь 1942 г.), о чем специально будет сказано ниже. На самом деле А. Р. был призван Советским РВК г. Москвы в июле 1941 г.

хив. Ф. III)⁸. Речь идет в первую очередь об официальных документах (анкетах, характеристиках и автобиографиях), входящих в состав личных дел А. Р., представлявшихся в отдел кадров исторического факультета МГУ (где он работал с 1960 г.) главным образом при оформлении документов для зарубежных поездок (Архив. Ф. III. Оп. 1. Д. 83). Все эти документы, имеющие стандартную форму, хорошо знакомую тем, кто хотя бы раз поступал на работу или учебу в советское время, содержат более или менее подробные биографические сведения, в том числе включающие и информацию о фронтовом периоде жизни А. Р. Эта информация особенно существенна применительно к начальному периоду войны, практически не отраженному в материалах, размещенных на портале Министерства обороны РФ. Кроме того, использовались данные из дела 85 (Архив. Ф. III. Оп. 1. Д. 85) о круге зарубежных ученых-корреспондентов А. Р.

Лакуны в информации о событиях весны 1944 — весны 1945 г., также скупо представленных в означенных материалах, частично восполнены статьей Корсунского о работе с военнопленными, опубликованной в середине 1970-х годов. [Корсунский 1975]⁹. С той же целью использованы данные, содержащиеся в военных мемуарах, а именно в воспоминаниях маршала Советского Союза А. А. Гречко, в годы войны командовавшего 1-й Гвардейской армией в тот период, когда в ней служил А. Р. [Гречко 1970], а также генерал-майора М. И. Бурцева, создателя и начальника Управления по пропаганде среди войск и населения противника ГлавПУ РККА¹⁰, позволяющие составить общее представление о целях, задачах и обстоятельствах деятельности, которой с 1943 г. занимался А. Р., находясь в должности спецпропагандиста [Бурцев 1981 (гл. 6)].

В целом, этот круг источников позволяет получить значительную информацию о фронтовом пути А. Р. Корсунского, хотя отсутствие документов личного происхождения (остающихся недоступными для исследователя, поскольку они хранятся в семье ученого¹¹) создает ряд существенных проблем, которые могут быть решены лишь частично.

3. Начало фронтового пути: июль 1941 — май 1943 г.

Итак, уйдя добровольцем в Красную армию, А. Р. Корсунский попал в Горьковское училище зенитной артиллерии им. В. М. Молотова¹², всю войну

⁸ Возможность работы с этими материалами мне предоставила сотрудник факультета, кандидат исторических наук Ирина Дмитриевна Вавочкина, которой я выражаю искреннюю благодарность за содействие и помощь.

⁹ Оценку результатов этой работы современным исследователем-социологом см. в [Образцов 2015].

¹⁰ О М. И. Бурцеве см., например: [Панков 2001; Константинов 2007].

¹¹ В личном фонде А. Р. (Архив. Ф. III) его переписка с зарубежными учеными за небольшим исключением представлена лишь конвертами, но не самими письмами, явно оставшимися в семье фондообразователя. См.: Архив. Ф. III. Оп. 1. Д. 85. Л. 11–11 об. (письмо М. Х. Лосано Ринкона), л. 13–13 об. (письмо Э. Сазса), л. 15 (адрес от бандероли, посланной Р. Хибертом), л. 56–56 об. (машинописный «Информационный бюллетень Юридического факультета» от 30 ноября 1976 г. с припиской Рафаэля Хиберта на испанском языке: «Другу и коллеге Корсунскому это отражение нашей академической жизни [далее нрзб.]») и т. п.

¹² См.: Приказ народного комиссара обороны СССР № 0356. О возложении подготовки, учета, подбора и расстановки кадров начальствующего состава Красной армии на Главные управления и Управления НКО соответствующих родов войск. 20 сентября 1941 г. [Барсуков 1997: 94].

располагавшееся в г. Горьком¹³. Обучение по ускоренной программе заняло менее 10 месяцев и завершилось уже в апреле 1942 г. В июне А. Р. оказался в действующей армии, где служил сначала в должности командира взвода зенитной артиллерии в 1288-м армейском зенитно-артиллерийском полку (июнь — июль 1942 г.)¹⁴, затем там же в должности офицера связи до июня 1943 г. включительно¹⁵. За это время полк, прибывший на Брянский фронт 7 июня 1942 г. в составе 13-й армии (1–31 июля 1942 г.), был передан в 38-ю армию Воронежского фронта с 5 августа 1942 г.¹⁶ В мае 1943 г. А. Р. Корсунский вступил в ВКП(б).

4. Старший инструктор по спецпропаганде:

июнь 1943 — весна 1944 г.

В октябре 1943 г. А. Р. в звании старшего лейтенанта являлся старшим инструктором «по пропаганде среди населения и войск противника»¹⁷ (спецпропаганда) политотдела 240-й стрелковой дивизии 51-го стрелкового корпуса 38-й армии¹⁸. В феврале 1944 г. он оставался в тех же должности и звании и служил в том же соединении¹⁹. Главным источником для реконструкции событий этого периода являются наградные документы А. Р. — приказы о его награждении орденами Красной Звезды и Отечественной войны II степени. Специалисты по истории Великой Отечественной войны²⁰ хорошо знают, что описание подвигов награждаемых в документах такого рода — наименее достоверная часть сведений, в них содержащихся. Как правило, эти документы составлялись лишь спустя какое-то время после событий, к тому же в массовом порядке; в результате одни и те же обобщенные формулировки переходили из текста в текст и порой имели лишь косвенное отношение к конкретным поступкам конкретных бойцов и командиров.

Очевидно, в определенной степени эта закономерность имела место и в случае А. Р. Корсунского. Однако в ряде случаев появляется возможность со-

¹³ Приказ народного комиссара обороны СССР № 0337. Об отмене наименований военных училищ после их передислоцирования и с объявлением перечня наименований военно-учебных заведений Красной Армии. 3 сентября 1941 г. (По Главному управлению формирования и укомплектования войск Красной Армии) [Сборник 1945: 24].

¹⁴ Архив. Ф. III. Оп. 1. Д. 83. Л. 42 об.

¹⁵ Архив. Ф. III. Оп. 1. Д. 83. Л. 19. По другим данным, указанным самим А. Р., в 1970-е годы, в этот период он исполнял должность начальника химической службы полка (Архив. Ф. III. Оп. 1. Д. 83. Л. 42 об.). См. также: Приказ подразделения № 85/н от 30.05.1945 г. Издан ВС 1 гв. А (ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686196. Д. 2486. Л. 9. № записи — 24640833 (наградной лист)).

¹⁶ 1288-й армейский зенитно-артиллерийский полк. В дальнейшем А. Р. воевал на Воронежском, 1-м, 2-м и 4-м Украинском фронтах. См.: Приказ подразделения № 85/н от 30.05.1945 г. Издан ВС 1 гв. А. Факт службы на 2-м Украинском фронте установлен по документу: Приказ № 013/н от 02.03.1944 г. Издан ВС 40 А Украинского фронта (атрибуция по архиву).

¹⁷ Так в тексте.

¹⁸ Приказ № 109/н от 28.10.1943 г. Издан ВС 38 А 1-го Украинского фронта (атрибуция по архиву).

¹⁹ Приказ подразделения № 85/н от 30.05.1945 г. Издан ВС 1 гв. А (атрибуция по архиву).

²⁰ Хочу выразить искреннюю благодарность архивному исследователю Г. Р. Рамазашвили за ценные советы, данные им в процессе работы над этой статьей.

поставить имеющиеся данные с общими сведениями о боевом пути соединений, в которых служил А. Р., и тем самым несколько расширить скудную (и предельно обобщенную) информацию имеющихся в моем распоряжении документов.

Начну с документов о награждении А. Р. Корсунского орденом Красной Звезды в октябре 1943 г.; наградной лист, приложенный к приказу о награждении, датирован 20 октября, а сам приказ — 28 октября. В тот период А. Р., как уже говорилось, проходил службу в 240-й стрелковой дивизии 38-й армии 1-го Украинского (до 20 октября 1943 г. — Воронежского) фронта. В период, о котором идет речь, это соединение выполняло задачи первостепенной важности, связанные с форсированием Днепра, а затем — с наступлением на Киев; поэтому установить общий контекст событий, в которых участвовал А. Р., относительно несложно.

Начиная с июля 1943 г. и до конца войны дивизией командовал полковник (впоследствии генерал-майор) Терентий Фомич Уманский (1906–1992). Под его командованием 25–29 сентября 1943 г. в районе села Лютеж Вышгородского района Киевской области дивизия форсировала Днепр и захватила плацдарм, вошедший в историю как Лютежский, который войска 1-го Украинского фронта впоследствии использовали для проведения Киевской наступательной операции (3–13 ноября 1943 г.) и освобождения Киева (6 ноября 1943 г.).

В начале октября войска 38-й армии вели ожесточенные бои за расширение и удержание плацдарма, отбивая ожесточенные контратаки противника. 7 октября именно части 240-й стрелковой дивизии овладели селом Лютеж и, несмотря на потери, успешно отразили контратаки противника. В течение октября войска 38-й армии наносили вспомогательные удары в целях разгрома киевской группировки противника и расширяли территорию плацдарма. О степени ожесточенности боев косвенно свидетельствует тот факт, что за командование дивизией ее командир 29 октября был удостоен звания Героя Советского Союза, поскольку его дивизия больше других отличилась в ходе форсирования Днепра, расширения плацдарма и отражения контратак противника. Тогда же Героем Советского Союза стал и его непосредственный начальник генерал-майор Петр Петрович Авдеенко (1900–1956)²¹.

Остается отметить, что 3 ноября именно с Лютежского плацдарма силами переброшенных туда 3-й гвардейской танковой армии, 7-го артиллерийского корпуса прорыва, 1-го гвардейского кавалерийского корпуса и других соединений был нанесен главный удар в обход Киева с запада; как известно, именно группировка, сосредоточенная на Лютежском плацдарме, сыграла решающую роль в освобождении Киева. За заслуги в этой операции около 60 частей и соединений были удостоены почетного наименования Киевских, и 240-я стрелковая дивизия стала одной из них [Выродов и др. 1974: 245–265].

К сожалению, документы штаба 240-й стрелковой дивизии, относящиеся к этому периоду, доступны мне лишь частично. Кроме того, описание всего хода военных действий, которые вела дивизия, выходит далеко за рамки

²¹ Ранее П. П. Авдеенко (полковник, с февраля 1943 г. — генерал-майор) являлся командиром 240-й стрелковой дивизии (май 1942 — июнь 1943 г.); впоследствии командир вновь сформированного 51-го стрелкового корпуса [Выродов и др. 1974: 140, 151, 170, 206, 226, 227, 250, 553; Вожакин 2006: 21–22].

этой работы. Впрочем, и тех ограниченных данных, которые находятся в моем распоряжении, достаточно для того, чтобы осознать степень драматичности событий, самое непосредственное участие в которых принял А. Р. Поэтому остановлюсь лишь на описании первых дней форсирования Днепра — 27 и 28 сентября 1943 г. В эти дни дивизия сумела перебросить на правый берег несколько стрелковых рот и занять плацдарм в районе села Сваромье Вышгородского района Киевской области, который впоследствии был расширен и получил название Лютежского.

К началу форсирования Днепра 240-я стрелковая дивизия, имевшая в своем составе три стрелковых полка (931-й, 842-й и 836-й), 60 орудий, 58 станковых пулеметов и иное вооружение и снаряжение, располагала лишь 34 лодками (из них восемь неисправных) общей грузоподъемностью 310 человек, т. е. неизмеримо меньше даже минимальных потребностей. Таким образом, под шквальным огнем противника большая часть десанта переправлялась через широкую и полноводную реку на подручных средствах²².

В тот же день командир дивизии полковник Т. Ф. Уманский докладывал своему непосредственному начальнику, командиру 51-го стрелкового корпуса генерал-майору П. П. Авдеенко (орфография и пунктуация оригинала здесь и далее сохранены):

240 сд в ночь на 27.9.43 передовыми подразделениями 931 и 842 сп начала форсировать р[еку] Днепр. Подразделения 931 сп, переправлявшиеся у сев. части Сваромье, были встречены сильным ружейно-пулеметным огнем противника и после неоднократных попыток высадиться на правом берегу р. Днепр, к рассвету возвратились на исходное положение. 842 сп, после неоднократных неудачных попыток, к утру сумел высадить на правый берег р. Днепр взвод 5 ср в количестве 25 чел[овек]. Взвод окопался и ведет наблюдение за противником. Неоднократные попытки форсировать р. Днепр в дневное время в результате сильного сопротивления противника успеха не имели. 931 и 842 сп имеют потери, какие уточняются²³.

Лишь на следующий день войскам дивизии удалось закрепиться на правом берегу, высадив две стрелковые роты 931-го стрелкового полка, две стрелковые роты 842-го стрелкового полка и одну стрелковую роту 836-го стрелкового полка в районе южнее деревни Сваромье. Комдив отмечал:

Переправа проходила в тяжелых условиях под непрерывным артиллерийским и ружейно-пулеметным огнем противника. Переправлявшиеся подразделения закрепились на правом берегу р. Днепр и к утру отразили четыре сильных контратаки пехоты противника, подержанных массивированным арт[иллерийским и] минометным огнем.

²² Справка о наличии переправочных средств в 240 сд на 27.9.43 года (ЦАМО. Ф. 1521. Оп. 1. Д. 25. Л. 281).

²³ Боевое донесение № 022/ОП штадив 240 лес 2 клм вост. Лебедев хутор. 15.00. 27.9.43. Карта 100 000 (ЦАМО. Ф. 1521. Оп. 1. Дело 24. Л. 302. Документ 22/ОП). См. также: Оперсводка № 0277 к 16.00 27.9.43 штадив 240 лес 2 км. вост. Лебедев Хутор. Карта 100 000 (Там же. Д. 25. Л. 293. Документ 277).

После пятой контратаки подразделения 931 сп вынуждены отойти на левый берег. Во время отражения контратак уничтожено 150 немецких солдат и офицеров²⁴.

Картину дополняет оперативная сводка штаба дивизии, помеченная 19.00 того же дня и подписанная начальником штаба 240-й стрелковой дивизии полковником Васильевым. Вот лишь краткая выдержка из нее:

842 сп к утру 28.9.43 двумя стрелковыми ротами 2 стр[елкового] б[атальо]на форсировал р. Днепр в р-не южнее Сваромье. Переправившиеся подразделения, закрепившись на правом берегу реки, в течение дня отразили две контратаки пр[отивни]ка. Потери: убито — 4, ранено — 11 чел[овек].

Всего в этот день (по весьма неполным данным (причем полностью отсутствуют сведения по 836-му стрелковому полку)) 240-я стрелковая дивизия потеряла 17 человек убитыми и 30 ранеными²⁵.

Лишь с учетом сказанного можно понять, что стоит за общими словами, содержащимися в наградных документах А. Р. Корсунского, датированных октябрём 1943 г.:

Товарищ Корсунский в обороне упорно и настойчиво проводил работу по разложению войск противника. Через подобранный и подчиненный ему аппарата-состав рупористов [sic!] систематически проводились рупористами передачи. Радиопередачами руководил сам, а радиостанция, выдвигаемая к переднему краю противника, иногда эта работа проводилась под огнем противника. Во время наступления и особенно с выходом на Днепр провел большую работу среди личного состава частей по разъяснению ухудшения и морально-политического разложения солдат и офицеров частей противника, стоящих перед нашим фронтом, беседы с личным составом о падении морального духа противника проводил на правом берегу Днепра (выделено мной. — *О. А.*), этим самым воодушевляя бойцов и офицеров на успешное выполнение боевых действий. Под сильным огнем противника провел радиопередачу, знакомя противника с положением на фронтах, истинным их положением и приведением отказа сопротивления и перехода на сторону Красной армии²⁶.

Следующий наградной лист, в котором фигурирует А. Р. Корсунский в связи с награждением его орденом Отечественной войны II степени, датирован 6 февраля 1944 г. (сам приказ — 2 марта того же года). К этому времени 240-я стрелковая дивизия, в которой он по-прежнему служил, была переда-

²⁴ Боевое донесение № 023/ОП штадив 240 лес 2 км. вост. Лебедев Хутор. 16.00. 28.9.43. Карта 100 000 (ЦАМО. Ф. 1521. Оп. 1. Д. 24. Л. 303. Документ 23/ОП).

²⁵ Оперсводка № 0278 к 19.00 28.9.43 штадив 240 лес 2 км. вост. Лебедев Хутор. Карта 100 000 (ЦАМО. Ф. 1521. Оп. 1. Д. 25. Л. 294. Документ 278).

²⁶ Приказ №109/н от 28.10.1943 г. Издан ВС 38 А 1-го Украинского фронта.

на в состав 50-го стрелкового корпуса (командир корпуса — генерал-майор С. С. Мартиросян) 40-й армии (командарм — генерал-лейтенант Ф. Ф. Жмаченко) 2-го Украинского фронта²⁷. В составе этих соединений в указанный период дивизия участвовала в Житомирско-Бердичевской (24 декабря 1943 — 14 января 1944 г.) и Корсунь-Шевченковской (24 января — 17 февраля 1944 г.) наступательных операциях.

За участие в этих событиях А. Р. Корсунский был удостоен ордена Отечественной войны II степени (приказ № 13/н от 2 марта 1944 г.). В наградном листе, в частности, говорится:

Тов. Корсунский в дни ожесточенных боев находился непосредственно в боевых порядках 842 стр[елкового] полка, организуя там воспитательную работу с личным составом. В самые трудные минуты, когда на боевые порядки этого полка в районе Цибулев наступали десятки танков и пехоты противника, тов. Корсунский стойко и мужественно оказывал практическую помощь командованию в отражении немецких контратак. Будучи образцом для других, он и в момент прорыва вражеского кольца действовал отважно. В результате плодотворной работы тов. Корсунского личный состав подразделений, где был он, всегда успешно решал боевые задачи²⁸.

Упомянутый в документе Цибулев (Цыбулев, укр. *Цибулів*, ныне поселок городского типа Монастырищенского района Черкасской области Украины) неоднократно фигурирует в донесении, направленном комдивом 240-й стрелковой дивизии Т. Ф. Уманским вышестоящему командованию 50-го стрелкового корпуса и 40-й армии о боях 19–29 января, шедших в то время, когда ударные группировки 1-го и 2-го Украинского фронтов смыкали кольцо окружения Корсунь-Шевченковской группировки противника (24–28 января 1944 г.). 240-я стрелковая дивизия не находилась на направлении главного удара, но решала задачу первостепенной важности: именно на ее участке пытались прорваться отходившие на запад значительные силы немцев из состава 6-й и 16-й танковых дивизий (далее в источниках — тд) 4-й немецкой танковой армии.

Бои достигали крайнего ожесточения. Вот что сообщается в Итоговом боевом донесении за период 19–29 января 1944 г. о боях 19 января 1944 г.:

1. Противник в р-не Коммуна Х Виля, Половынчык²⁹, Монастырище, Тюлин³⁰, Копиевата сосредоточил части 6 и 16 тд и 19.1.44 перешел в наступление. Вначале удар наносился правым флангом из Копиевата на Княжики, Владиславчик. С утра 19.1.44 около полка пехоты, 50 танков и 30 бронетранспортеров прорвали оборону 74 сд на ее правом фланге и овладели Княжики. 20 танков и до 30 броне-

²⁷ Генералам С. С. Мартиросяну и Ф. Ф. Жмаченко адресовано «Итоговое донесение о боевых действиях частей 240 стрелковой Днепровско-Киевской дивизии за период с 19 по 29.1.44» (ЦАМО. Ф. 1521. Оп. 1. Д. 32. Л.28).

²⁸ Приказ № 013/н от 02.03.1944 г. Издан ВС 40 А 2 Украинского фронта.

²⁹ Половинчик (укр. *Половинчик*).

³⁰ Населенный пункт в Монастырищенском районе Черкасской области Украины. Точно идентифицировать не удалось.

транспортеров, обойдя с востока и северо-востока боевые порядки 2/³¹842 сп, оборонявшего р-н выс[оты] 252.2, грунтовая дорога 1 км. юго-зап. выс[оты] 258.2, выс[оты]. 257.7, вошли в свх. им. 1-го января³². Дальнейшие атаки на м. Цыбулив были отбиты дивизионной артиллерией и подоспевшим 322 иптап. Встретив упорное сопротивление восточнее м. Цыбулив, противник повернул на север и во второй половине дня овладел Шарньпиль³³, Зарубенцы³⁴. В первый день наступления дивизия отбила все атаки танков, бронетранспортеров и пехоты и удержала на всем своем протяжении прежний рубеж... (так в тексте. — О. А.) Противник за день боев потерял сожженными 8 танков, 11 бронетранспортеров и до 150 чел[овек] пехоты. Захвачено 4 пленных 15 тд, взято 3 исправных бронетранспортера³⁵.

Наступило кратковременное затишье, но это было лишь начало полосы ожесточенных боев. Снова положение 842-го стрелкового полка в районе поселка Цибулев обострилось 25 января; все следующие дни превратились в кровешный ад. Скупые строки официального донесения предельно красноречивы и не требуют комментариев:

3. С утра 25.1.44 противник силою до двух полков пехоты и 130 танков, под прикрытием крупных сил штурмовой и бомбардировочной авиации атаковал одновременно правый и левый фланг дивизии. <...> К исходу дня противнику удалось смять левофланговый батальон 842 сп, 2/836 сп и занять свх. им. 1-го января. На участке левого соседа противник занял Шарньпиль, Зарубенцы. В 17.00 до 80 танков противника заняли Ивахны, подойдя вплотную к командному пункту штаба дивизии, размещенному на сев.-зап. окр[аине] м. Цыбулив. Комендантский взвод и свободный офицерский состав штадива заняли оборону. В 1.00 26.1.44, получив разрешение командующего 40 Армии генерал-лейтенанта Жмаченко, штадив переехал на юго-зап. окр[аине] м. Цыбулив на КП 931 сп. В этот день противник понес крупные потери. Всего было подбито и сожжено 52 танка, 8 бронетранспортеров, разбито 12 автомашин, убито свыше 300 немецких солдат и офицеров. Крупные потери понесли и части дивизии. Были разбиты все орудия поддерживающего 322 иптап, уничтожены 7 и 9 батареи артиллерийского полка дивизии, в остальных батальонах осталось по 1–2 орудия, почти полностью разбита и уничтожена батальонная и полковая артиллерия 842 и 836 сп.

4. В течение ночи противник подтягивал резервы и с рассветом 26.1.44 снова 25 танками и бронетранспортерами из Половынчык, оставив 8 танков сожженными, прорвался через боевые порядки 836

³¹ Второго батальона.

³² Совхоз в Монастырищенском районе Черкасской области Украины. Точно идентифицировать не удалось.

³³ Шарнополь (укр. *Шарнопіль*).

³⁴ Зарубинцы (укр. *Зарубинці*).

³⁵ Итоговое донесение о боевых действиях частей 240-й стрелковой Днепроовско-Киевской дивизии за период с 19 по 29 января 1944 г. (ЦАМО. Ф. 1521. Оп. 1. Д. 42. Документ 27. Л. 29).

сп на Княжев-Крыныця³⁶. До 30 танков и бронетранспортеров вошли на зап. окр[аины] Ивахны. В 15.00 47 танков и до 500 чел. пехоты из Половынчык снова атаковали подразделения 836 сп. Одновременно 50 танков и до полка пехоты из мол[очная] ферма, выс[ота] 252.2 перешли в атаку на подразделения 842 сп. После упорного боя все атаки танков и пехоты противника из Половынчык подразделениями 836 сп были отбиты. На левом фланге, оставив 7 танков сожженными, остальные обошли с востока и ворвались на юго-вост. окр. м. Цыбулив. Пехота, двигавшаяся за танками, была отсечена подразделениями 3³⁷/842 сп и только к вечеру, обойдя этот батальон со всех сторон, часть автоматчиков противника сумела подойти и прорваться вслед за танками в юго-вост. окр[аине]. м. Цыбулив. К 20.00 вся юго-восточная часть м. Цыбулив была занята противником, 836 и 931 сп продолжали прочно удерживать свои прежние высоты. 842 сп, понеся большие потери, остатками 2 и 3 батальонов присоединился к 1³⁸/842 сп, обороняющему юго-вост. часть леса южн. м. Цыбулив. КП штадива оставалось на прежнем месте в р-не юго-зап. окр[аины] м. Цыбулив и только тогда, когда автоматчики и танки противника подошли вплотную, КП было сменено в рощу 1 км зап[аднее] м. Цыбулив. За этот день немцы потеряли 17 танков и до 400 чел[овек] убитыми³⁹.

27 января дивизия уже вела бои в окружении. В ночь с 28 на 29 января кольцо окружения был прорвано:

Получив задачу прорваться из окружения и овладеть Оратовка⁴⁰, Рожична⁴¹, в 22.00 28.1.44 240 стрелковая Днепроовско-Киевская дивизия во взаимодействии с частями 340 сд атаковала противника одновременно по всему фронту прорыва и к утру 29.44 организованно со всеми обозами, артиллерией и штабами вышла из окружения, заняв оборону на рубеже — отм[етка] 203.6, выс[ота] 252.0, выс[ота] 258.2⁴².

Как уже отмечалось, А. Р. Корсунский принял непосредственное участие в этом прорыве, за что был отмечен командованием.

Подводя итоги боев 19–29 января, полковник Т. Ф. Уманский докладывал:

Таким образом, за период боев с 19 по 29.1.44 в тяжелых боях с танками противника части дивизии уничтожили 950 немецких солдат и

³⁶ Княжя Криница (укр. *Княжа Криниця*).

³⁷ Третьего батальона.

³⁸ Первому батальону.

³⁹ Итоговое донесение о боевых действиях частей 240-й стрелковой Днепроовско-Киевской дивизии за период с 19 по 29 января 1944 г. (ЦАМО. Ф. 1521. Оп. 1. Д. 42. Документ 27. Л. 29 об.–30 об.).

⁴⁰ Возможно, село Оратовка Оратовского района Винницкой области (Украина). Выражаю благодарность за помощь в идентификации населенного пункта М. В. Ахметовой.

⁴¹ Рожичная (укр. *Рожична*).

⁴² Итоговое донесение о боевых действиях частей 240-й стрелковой Днепроовско-Киевской дивизии за период с 19 по 29 января 1944 г. (ЦАМО. Ф. 1521. Оп. 1. Д. 42. Документ 27. Л. 30 об.–31).

офицеров, подбили и сожгли 93 танка, 30 бронетранспортеров, 12 автомашин, захватили исправных 3 бронетранспортера. Наши потери за этот же период — убито — 268, ранено и пропало без вести — 1 289 чел. Разбито пушек 122 мм — 4, 76 мм — 18, 45 мм — 7, 105 мм — 3, минометов 130 мм — 1, 82 мм — 19, 30 мм — 5, станковых пулеметов — 32, ручных пулеметов — 70, ружей ПТР — 44, ППШ — 306, винтовок — 940⁴³.

В этом деле есть и скромная доля заслуг молчаливого капитана Корсунского, интеллигента-очкарика. Мы не знаем, был ли он лучше своих товарищей. Но то, что он не был их хуже, а главное — как штабист имел возможность не идти в рядах атакующих, но делал это неоднократно — уже все это дорогого стоит.

5. Сотрудник политотдела армии: весна 1944 г. — весна 1945 г.

В апреле 1944 г. А. Р. Корсунский был переведен в 7-е отделение⁴⁴ политотдела 1-й гвардейской армии (командующий — генерал-полковник Андрей Антонович Гречко (1903–1976), будущий маршал Советского Союза и министр обороны СССР (1967–1976)) 4-го Украинского фронта⁴⁵ и стал инструктором-литератором, что было повышением в должности и вскоре отразилось и в звании (гвардии капитан⁴⁶). Через год он был удостоен второго ордена Красной Звезды (Приказ подразделения № 85/н от 30 мая 1945 г.). В наградном листе, датированном 26 апреля того же года, говорилось:

Гв. капитан Корсунский <...> успешно проводил работу по разложению войск противника, составляя листовки и другие агитматериалы⁴⁷. Листовки, составленные им на основании тщательного изучения частей противника, оказывали разлагающее влияние на значительные группы солдат противника и приводили их к переходу на нашу сторону и добровольной сдаче в плен. Систематически изучая политико-моральное состояние войск противника с помощью допросов военнопленных и анализа трофейных документов, своевременно давал ценные данные о вражеских частях для информации командования⁴⁸.

⁴³ Итоговое донесение о боевых действиях частей 240-й стрелковой Днепроовско-Киевской дивизии за период с 19 по 29 января 1944 г. (ЦАМО. Ф. 1521, Оп. 1. Д. 42. Документ 27. Л. 31).

⁴⁴ Седьмые отделения политотделов армий и фронтов были созданы специально для организации спецпропаганды и подчинялись Отделу (с августа 1944 г. — Управлению) пропаганды среди войск и населения противника Главного политического управления Красной армии (создано приказом Народного комиссариата обороны СССР № 0268 от 4 августа 1944 г.) [Бурцев 1981 (гл. 6)].

⁴⁵ В состав 4-го Украинского фронта (командующий — генерал армии И. Е. Петров) 1-я гвардейская армия А была включена в августе 1944 г.

⁴⁶ Приказ войскам 1-й гвардейской армии (по награждению) № 085-н от 30.05.1945 г. Издан ВС 1 гвардейской армии (ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686196. Д. 2486. Л. 9).

⁴⁷ Текст, выделенный подчеркиванием, в оригинале подчеркнут красным карандашом.

⁴⁸ ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686196. Д. 2486. Л. 9.

Видно, что на этот раз основанием для награждения стала чисто штабная работа. Предполагала ли она присутствие на передовом крае, неясно: доступные мне документы штаба 1-й гвардейской армии за апрель 1945 г. вопросов, связанных с эффективностью ведения спецпропаганды, а также с допросами плененных и анализом трофейных документов, не касаются. Известно лишь, что этой работы было как никогда достаточно: в период с апреля 1944 г. по конец апреля 1945 г. 1-я Гвардейская армия участвовала в Проскуровско-Черновицкой (4 марта — 17 апреля 1944 г.) и Львовско-Сандомирской (13 июля — 29 августа 1944 г.) наступательных операциях 1-го Украинского фронта (командующие — маршал Советского Союза Г. К. Жуков (до мая 1944 г.), маршал Советского Союза И. С. Конев (с мая 1944 г.)). В начале августа 1944 г. армия была передана в состав 4-го Украинского фронта (командующий — генерал армии И. Е. Петров), в войсках которого она принимала участие в Восточно-Карпатской (8 сентября — 28 октября 1944 г.), Западно-Карпатской (12 января — 15 февраля 1945 г.) и Моравско-Оставской (10 марта — 5 мая 1945 г.) наступательных операциях, а позднее — в освобождении столицы Чехословакии, Праги, где и закончился боевой путь А. Р.

В ходе этих боевых действий войска армии взяли большое количество военнопленных. Лишь в ходе Моравско-Оставской наступательной операции войсками 4-го Украинского фронта было взято в плен 156 203 военнослужащих противника, немалая часть которых пришла на 1-ю гвардейскую армию [Гречко 1970: 390]. Несмотря на то что война подошла к концу и ее исход не оставлял сомнений, работы у спецпропагандистов не убывало. По замечанию генерал-майора Михаила Ивановича Бурцева (1907–2002), одного из создателей службы спецпропаганды в Красной армии,

...боеспособность вермахта к 1945 году резко ослабла, но он по-прежнему оставался покорным орудием гитлеровской клики и был способен к сопротивлению, тем более что ширина советско-германского фронта теперь сократилась наполовину. Процесс разложения немецких частей сдерживался репрессиями. По имевшимся у нас данным, к этому времени свыше 130 тысяч немецких солдат и офицеров были осуждены за дезертирство с поля боя <...> Анализ военно-политической обстановки и морального духа вермахта убеждал нас в том, что в завершающих сражениях следует ожидать упорного сопротивления обреченных на гибель солдат и офицеров гитлеровской армии [Бурцев 1981: 278–279].

В этих непростых условиях и пришлось работать А. Р. Корсунскому и его коллегам по 7-му отделению политотдела 1-й гвардейской армии. Через три десятилетия после Победы, осмысливая опыт событий осени 1944 — весны 1945 г., он написал небольшую статью о методах и результатах использования анонимных анкетных опросов немецких военнопленных с целью изучения морального духа и политических взглядов солдат вермахта [Корсунский 1975]. При этом основным объектом авторской рефлексии являлся его собственный фронтовой опыт, что делает публикацию 1975 г. важным историческим источником, позволяющим понять как характер служебных обязанностей А. Р. в оз-

наченный период, так и важнейшие результаты его деятельности, отмеченные правительственной наградой.

Прежде всего в начале статьи А. Р. отмечает, что бои за Чехословакию, а особенно за Моравскую Оставу, носили крайне ожесточенный характер. Действовавшая в этом районе группа армий «Центр» (командующий — генерал-фельдмаршал Ф. Шернер⁴⁹) являлась «наиболее боеспособной группировкой вермахта» и оказывала ожесточенное сопротивление войскам 1-й гвардейской армии. В этих условиях в целях максимально эффективного использования имеющихся ресурсов (в том числе пропагандистского характера) перед 7-м отделением политотдела была поставлена задача уточнить данные о морально-политическом состоянии противостоящих войск противника [Корсунский 1975: 172].

В процессе выполнения этой задачи А. Р., по его собственным словам, активно взаимодействовал с Гансом Госсенсом⁵⁰, фронтовым уполномоченным Национального комитета «Свободная Германия» (НКСГ)⁵¹. В ходе работы они совместно пришли к выводу о том, что традиционных методов работы с военнопленными в новых условиях явно недостаточно. Попав в плен, последние в целях самосохранения старались внешне отмежеваться от национал-социализма и его идеологии и сообщить при допросе лишь те сведения, которые, по их мнению, могли встретить доброжелательное отношение со стороны допрашивающих. Эта ситуация создавала превратное представление о реальных настроениях личного состава соединений, противостоящих 1-й гвардейской армии. Тогда было решено, с одной стороны, изменить методику допроса, а с другой — сделать его более массовым, чем ранее. Так возникла идея проведения анонимного социологического опроса. Для повышения степени репрезентативности результатов он должен был носить массовый характер, а действия опрашиваемых сводились к минимуму (в соответствующей графе следовало лишь вычеркнуть слова «да» или «нет»).

А. Р. подчеркивал, что даже с учетом сказанного предложенный метод был далек от идеального, поскольку не предполагал введения какого-либо «коэф-

⁴⁹ Шернер Фердинанд (1892–1973) — немецкий военачальник, участник Первой и Второй мировой войн; прошел путь от солдата до фельдмаршала. В 1945 г. был выдан советским властям американцами и в 1945–1955 гг. находился в заключении в СССР как военный преступник. Отличался особой жестокостью по отношению к собственным солдатам: с помощью репрессий (включая массовые расстрелы отступивших без приказа) он пытался удерживать рушащийся фронт, за что по возвращении в ФРГ в 1957 г. был приговорен к 4,5 годам тюремного заключения [Козлов 1985: 790–791].

⁵⁰ Госсенс Ганс (1921–1972) — один из основателей НКСГ. С 1939 г. служил в вермахте; рядовой, ефрейтор. Попал в советский плен. Учился в Антифашистской школе в Красногорске (Московская область). Член НКСГ с июля 1943 г. Фронтовой уполномоченный НКСГ на Брянском (1943) и 1-м Украинском (1944–1945) фронтах. С 1945 г. — член Коммунистической партии Германии (КПГ), с 1946 — Социалистической единой партии Германии (СЕПГ). В 1946–1955 гг. — член Центрального Совета Союза свободной немецкой молодежи (ССНМ), в 1948–1949 гг. — слушатель Высшей школы ССНМ в Богензее. С 1956 г. — майор пограничной охраны ГДР. В 1960–1963 гг. — полковник Национальной народной армии (ННА) ГДР. С 1963 г. до смерти в 1972 г. — заместитель начальника Главного политуправления ННА [Namacher 2005: 68].

⁵¹ Национальный комитет «Свободная Германия» (НКСГ) был создан по инициативе ЦК КПГ с согласия советских властей из числа немецких военнопленных и действовал в период с июля 1943 до ноября 1945 г. [Бурцев 1981 (гл. 6)].

фициента корреляции на неискренность». Однако, по его мнению, «определить этот коэффициент в тех условиях представлялось невозможным: вероятно, он был неодинаковым при ответах на вопросы различного рода — меньше при ответах отвлеченного характера и больше, если вопросы непосредственно касались Красной армии и Советского Союза» [Корсунский 1975: 172]. Анкетирование проводилось периодически с ноября 1944 по апрель 1945 г. Первоначально оно ставило целью выявить только отношение солдат к Гитлеру и их мнение о военных перспективах Германии. Позднее военнопленным предлагались разнообразные вопросы, позволявшие установить, какое влияние оказывают на них различные положения нацистской идеологии и лозунги геббельсовской пропаганды. В последних опросах, осуществлявшихся в апреле 1945 г., много внимания уделялось общим догмам нацистского мировоззрения, расовой теории фашизма, социально-политическим проблемам [Там же: 172–176].

Не преувеличивая точности полученных результатов, А. Р. вместе с тем отмечал, что «приблизительную картину политических настроений немецких солдат такое анкетное обследование обеспечивало. Знание морального состояния пленных облегчало определение основных направлений пропаганды, которую необходимо было вести среди войск противника» [Корсунский 1975: 177]. Эта немногословная оценка может быть дополнена замечаниями, высказанными бывшим командармом 1-й гвардейской армии А. А. Гречко. В своих воспоминаниях он, в частности, писал:

Немаловажное значение имела работа политорганов по разложению войск противника. Применялись самые разнообразные формы. Одной из них была засылка взятых в плен солдат и офицеров во вражеский тыл. Военнопленные рассказывали правду о русском плене, распространяли листовки, в которых говорилось о приближающемся крахе гитлеровской Германии. Были организованы школы антифашистов. Большое внимание уделялось распространению листовок, составленных на конкретных материалах немецких и венгерских частей. Работа по разложению войск противника, несомненно, снижала политико-моральное состояние немецких и венгерских частей, разжигала противоречия между венгерской и немецкой армиями и, таким образом, отрицательно влияла на боеспособность противника. Большая политическая работа проводилась среди населения. Во всех крупных населенных пунктах проводились собрания, митинги, групповые беседы [Гречко 1970: 239].

Остается добавить, что в наградном листе от 26 апреля 1945 г. именно успешное ведение допросов военнопленных (наряду с составлением агитматериалов и анализом трофейных документов) выделяется в качестве главного основания для награждения А. Р. Корсунского орденом Красной Звезды⁵². Представляется, что этот факт — наиболее зримое следствие эффективности действий политработника.

⁵² ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686196. Д. 2486. Л. 9.

В заключение — несколько слов о последних годах военной службы А. Р. Прослужив до июля 1945 г. в политотделе 1-й гвардейской армии, затем несколько месяцев (июль — сентябрь 1945 г.) он находился в резерве ГлавПУ РККА, а с октября 1945 до декабря 1949 г. занимал должность старшего референта Управления информации Советской военной администрации в Германии (СВАГ). После ее ликвидации А. Р., уже в звании подполковника, был направлен в Москву и в январе 1950 г. стал преподавателем Московского высшего общевойскового командного училища им. Верховного Совета РСФСР, где и прослужил до августа 1953 г.⁵³ На этом военная служба А. Р. окончательно завершилась.

6. Заключительные замечания

Подводя итоги вынужденно неполного рассказа о военной биографии А. Р. Корсунского, отмечу, что и сказанного вполне достаточно для того, чтобы понять, какое место военные годы заняли в жизненной и творческой биографии историка. Он прошел всю войну, с первых и до последних дней, и лишь ее завершающие месяцы пришлось на относительно «спокойную» штабную работу. Весь период службы в 240-й стрелковой дивизии был связан с непосредственной опасностью для жизни, с пребыванием на переднем крае, особенно в то время, когда дивизия выполняла важные задачи в Курской битве, битве за Днепр и в ходе Корсунь-Шевченковской наступательной операции. Храбрость и самоотверженность, проявленные им при этом и отмеченные боевыми наградами, характеризуют его не только как мужественного человека, но и как советского патриота (как бы ни воспринималось это выражение ныне), уверенного, что «Красная армия не могла бы защищать свою землю с такой самоотверженностью, если бы не сознавала своей кровной связи с “большевистским государством”» (слова, сказанные А. Р. по другому поводу, но в полной мере характеризующие его убеждения) [Корсунский 1975: 176].

О том же говорит и факт вступления в члены ВКП(б) в мае 1943 г., накануне Курской битвы⁵⁴. Вера в коммунистические идеалы и преданность советскому строю могла лишь укрепиться в военные годы, особенно с учетом служебных функций, выполнявшихся А. Р. в 1943–1945 гг. и связанных с ведением спецпропаганды. Наконец, содержание статьи 1975 г., в известной мере носящей мемуарный характер [Корсунский 1975: 176–177], также не вызывает сомнений в искренней убежденности А. Р. в справедливости миссии его страны в самой страшной из всех когда-либо возникавших войн. Советский строй, который сокрушил гитлеровскую Германию и за который на его глазах гибли его фронтовые товарищи, вероятно, должен был получить высшую нравственную санкцию, не подлежащую пересмотру на протяжении всей жизни А. Р. Сказанное вовсе не противоречит факту критического отношения к советской действительности, о чем упоминают знавшие его люди, в частности, Л. Т. Мильская⁵⁵.

⁵³ Архив. Ф. III. Оп. 1. Д. 83. Л. 19.

⁵⁴ См.: Приказ № 013/н от 02.03.1944 г. Издан ВС 40 А 2 Украинского фронта (атрибуция по архиву).

⁵⁵ «Он мечтал когда-нибудь написать правдивую историю наших дней, как он ее видел

Неясно, минули ли А. Р. и его семью тяжелые обстоятельства первых послевоенных лет, среди которых позорная кампания «борьбы с космополитизмом»⁵⁶. Насколько известно, о делах политических А. Р. предпочитал не распространяться (по меньшей мере публично), с годами становясь все более закрытым человеком⁵⁷, что, как представляется, объяснялось не только особенностями его характера. Тем не менее возникает устойчивое впечатление, что именно сложный опыт военного времени укрепил и в известной мере законсервировал веру А. Р. в марксизм, прочную и в довоенные времена.

Вполне симптоматична тематика первых послевоенных публикаций Корсунского, едва ли объяснимая исключительно идеологической конъюнктурой. Так, в числе его первых статей, опубликованных на немецком языке в период пребывания в Германии, следует выделить публикацию «Маркс и Россия» в берлинском журнале «Neue Welt» [Korsunskij 1947]. Даже в 1970-е годы, в эпоху всеобщего интеллигентского нигилизма, ставившего под сомнение ранее незыблемые марксистские основы общественнознания, А. Р. сохранял твердость марксистских убеждений, выступая апологетом того, что, по его собственным словам (переданным А. Я. Гуревичем), «сегодня считается марксизмом» [Гуревич 2004: 157]⁵⁸. Эта жесткая позиция выделяет удивление, если учесть, что в научной работе А. Р. (в отличие от многих своих советских коллег) в своих выводах стремился последовательно опираться не на высказывания «классиков марксизма», а на данные источников, которые прекрасно знал и активно вводил в научный оборот. Более того, на своей кафедре А. Р. был одним из немногих ученых, в полной мере открытых для профессиональных контактов не только с историками-марксистами из Восточной Европы, но и с западными «буржуазными медиевистами». В числе его корреспондентов — видные испанские ученые Р. Хиберт, Э. Саэс Санчес, Л. А. Гарсия Морено и некоторые другие; кстати сказать, далеко не все они симпатизировали левым идеям (а Р. Хиберт во время единственной встречи с автором настоящей статьи 11 октября 2006 г. и вовсе посчитал необходимым подчеркнуть свою лояльность давно ушедшему в прошлое франкистскому режиму). Материалы, связанные со всеми этими людьми, отложились и в личном фонде А. Р., хранящемся в архи-

и понимал. Он верил, что настанет время, когда это будет возможным» [Мильская 2000: 245].

⁵⁶ Впечатляющее описание этой кампании на историческом факультете МГУ вообще и на кафедре истории Средних веков в частности оставил А. Р. Гуревич, причем, судя по известным мне устным свидетельствам очевидцев, он скорее смягчил, чем сгустил краски [Гуревич 2004: 34–53; Гутнова 2001: 258–271; Мильская 2002]. В последнем случае ряд значимых замечаний Е. В. Гутновой ставятся под сомнение.

⁵⁷ «Александр Рафаилович был (...) человеком исключительной скромности, всегда державшимся как будто в некоторой рамочке, скупым на слова и строгим в оценках», — так пишет об этой черте А. Р. в своих воспоминаниях Е. В. Гутнова [2001: 356]. О том же самом мне говорили ныне покойная Аделаида Анатольевна Сванидзе (1929–2016), а относительно недавно — И. С. Филиппов.

⁵⁸ Замечание относится к концу 1970-х годов, к периоду, когда А. Я. Гуревич принимал участие в работе над трехтомной «Историей крестьянства в Европе», одним из редакторов которой являлся А. Р. Корсунский. По словам И. С. Филиппова, после этого личные отношения двух ученых, до того относительно равные, были непоправимо испорчены. См. там же показательный отзыв А. Я. Гуревича об А. Р.: [Гуревич 2004: 39].

ве кафедры истории Средних веков исторического факультета МГУ⁵⁹. Известно, что первым из советских испанистов Корсунский сумел в 1969 г. посетить Испанию⁶⁰, где еще правил Ф. Франко. Несмотря на это, ученый встретил достаточно теплый (хотя и неоднозначный) прием со стороны испанских коллег. Его имя знали, на его работы ссылались, его концепции хотя и не разделялись полностью, но воспринимались с несомненным интересом.

Словом, при всей красноречивости и определенной обоснованности характеристик А. Я. Гуревича и его единомышленников, меньше всего А. Р. напоминал узколобого коммуниста-ортодокса. Думается, что лишь фронтовой опыт, память о погибших товарищах и мирных жителях, о боли и разрушениях, так и не пережитые до конца потрясения от увиденного, услышанного и испытанного объясняют истоки этого видимого противоречия. Вероятно, отказать от своих убеждений для Корсунского означало предать эту память. Он и не предал.

Сокращения

гд — гренадерская дивизия,

иптап — истребительный противотанковый артиллерийский полк,

КП — командный пункт,

м. — місто (укр.),

сп — стрелковый полк,

ср — стрелковая рота,

тд — танковая дивизия,

штадив — штаб дивизии.

⁵⁹ См. выше примеч. 11. Материалы из своего личного архива, полученные в ходе переписки с А. Р., мне показывал сам Л. А. Гарсия Морено. В документах, связанных с оформлением зарубежных поездок А. Р., упоминаются следующие командировки: 1967 г. — Греция, 1969 г. — Испания, 1971, 1973, 1977 и 1979 гг. — ГДР, 1974 г. — Дания, 1978 г. — Польша (Архив. Ф. III. Оп. 1. Д. 83. Л. 11 об., 12, 13, 14, 60), наиболее интересны материалы, связанные с его членством в Международной комиссии по сравнительной истории церкви, явно выходящим за рамки «протокольных» поездок на официальные конференции за рубеж, право на которые носило статусный характер и определялось должностью профессора МГУ (Там же. Л. 32–34 об., 66, 69, 70, 73, 74). Избранный членом этого известного научного общества, А. Р. должен был ежегодно вносить членский взнос в размере 50 швейцарских франков; поскольку речь шла об иностранной валюте, выделение этих средств требовало ежегодного согласования, что и объясняет относительную многочисленность материалов на эту тему.

⁶⁰ См.: Справка (Архив. Ф. III. Оп. 1. Д. 83. Л. 11–11 об.). В документе значится, что поездка была организована по линии Союза советских обществ дружбы с зарубежными странами (ССОД). Каким образом, в число этих стран попала Испания, с которой СССР не имел дипломатических отношений до 1977 г., остается неясным.

Источники

Архивные

Архив. Ф. III — Архив кафедры истории Средних веков исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Ф. III: Фондообразователь — Корсунский Александр Рафаилович. Биографические документы. Документы о фондообразователе. Документы о деятельности.

ЦАМО. Ф. 33 — Центральный архив Министерства обороны. Ф. 33: Главное управление кадров НКО.

ЦАМО. Ф. 1521 — Центральный архив Министерства обороны. Ф. 1521: 240-я стрелковая дивизия.

Опубликованные

Барсуков 1997 — Русский архив: Великая Отечественная война. Т. 13 (2–2): Приказы народного комиссара обороны СССР, 22 июня 1941 г. — 1942 г. / Отв. сост. А. И. Барсуков. М.: Terra, 1997.

Бурцев 1981 — *Бурцев М. И.* Прозрение. М.: Воениздат, 1981.

Гречко 1970 — *Гречко А. А.* Через Карпаты. М.: Воениздат, 1970.

Гуревич 2004 — *Гуревич А. Я.* История историка. М.: Рос. полит. энциклопедия (РОССПЭН), 2004.

Гутнова 2001 — *Гутнова Е. В.* Пережитое. М.: Рос. полит. энциклопедия (РОССПЭН), 2001.

Корсунский 1975 — *Корсунский А. Р.* Опыт изучения политических взглядов солдат вермахта во время Великой Отечественной войны // Социологические исследования. 1975. № 4. С. 171–177.

Марголиус б. д. — *Марголиус А. [П.]* Мои воспоминания (продолжение) // Партнер. [Б. д.]. URL: <http://www.partner-inform.de/memoirs/detail/moi-vospominaniija-moi-predki-i-rodstvenniki/4/160/48>.

Сборник 1945 — Сборник приказов Народного комиссара обороны СССР (1941–1944) о присвоении наименований частям, соединениям и учреждениям Красной Армии. М.: [НКО], 1945.

Korsunskij 1947 — *Korsunskij A. R.* Marx und Russland // Neue Welt. 1947. N. 24. S. 26–35.

Литература

Блок 1999 — *Блок М.* Странное поражение. [Свидетельство, записанное в 1940 году] / Пер. с фр. [Е. В. Морозовой]. М.: Рос. полит. энциклопедия (РОССПЭН), 1999.

Бойцов 2014 — *Бойцов М. А.* Три книги Канторовича // Канторович Э. Х. Два тела короля: Исследования по средневековой политической теологии / Пер. с англ. М. А. Бойцова, А. Ю. Серегиной. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2014. С. 9–59.

Варьяш 1982 — [*Варьяш О. И.*] Памяти А. Р. Корсунского // Средние века. Вып. 45 / Отв. ред. А. И. Данилов. М.: Наука, 1982. С. 381–382.

Варьяш 1991 — *Варьяш О. И.* Заседание памяти А. Р. Корсунского // Средние века. Вып. 54 / Отв. ред. А. Н. Чистозвонов. М.: Наука, 1991. С. 265–266.

Вожакин 2006 — Великая Отечественная война. Комкоры: Военный биографический словарь / Под ред. М. Г. Вожакина. Т. 1. М.; Жуковский: Кучково поле, 2006.

Выродов и др. 1974 — *Выродов И. Я., Секирин М. К., Коротков Г. И. и др.* В сражениях за победу. Боевой путь 38-й армии в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945. М.: Наука, 1974.

- Канторович 2022 — *Канторович Э.* Император Фридрих II / Пер. с нем. Л. В. Ланника, И. П. Стребловой. СПб.: Владимир Даль, 2022.
- Козлов 1985 — Великая Отечественная война, 1941–1945: Энциклопедия / Гл. ред. М. М. Козлов. М.: Сов. энциклопедия, 1985.
- Константинов 2007 — *Константинов А. А.* Он словом правды побеждал врага // Независимая газета. 2007. 7 дек.
- Ле Гофф 1998 — *Ле Гофф Ж.* Предисловие // Блок М. Короли-чудотворцы: Очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенных преимущественно во Франции и в Англии / Пер. с фр. В. А. Мильчиной. М.: Языки рус. культуры, 1998. С. 11–57.
- Мильская 2000 — *Мильская Л. Т.* Александр Рафаилович Корсунский (1914–1980) // Портреты историков. Время и судьбы. Т. 2: Всеобщая история / Отв. ред. Г. П. Севостьянов, Л. П. Маринович, Л. Т. Мильская. М.; Иерусалим: Университетская книга; Gesharim, 2000. С. 243–247.
- Мильская 2002 — *Мильская Л. Т.* Воспоминания Е. В. Гутновой и их достоверность // Средние века. Вып. 63 / Отв. ред. А. А. Сванидзе. М.: Наука, 2002. С. 394–401.
- Мильская, Варьяш 1983 — *Мильская Л. Т., Варьяш О. И.* А. Р. Корсунский как историк-медиевист // Средние века. Вып. 46 / Отв. ред. А. Н. Чистозвонов. М.: Наука, 1983. С. 275–290.
- Москаленко 1980 — *Москаленко А. Е.* Памяти А. Р. Корсунского // Вестник Московского университета. Сер. 8: История. 1980. № 4. С. 94–96.
- Образцов 2015 — *Образцов И. В.* Социологические исследования в войсках в годы Второй мировой войны: анализ зарубежного опыта // Социологические исследования. 2015. № 11. С. 97–107.
- Панков 2001 — *Панков Ю.* Мастер спецпропаганды // Красная звезда. 2001. 15 июня.
- Филиппов 2023 — *Филиппов И. С.* Корсунский Александр Рафаилович // Большая российская энциклопедия: [Электрон. версия]. 2023. (В печати).
- Хейзинга 1992 — *Хейзинга Й.* Об исторических жизненных идеалах и другие лекции / Пер. с голландского И. Михайловой. London: Overseas Publications Interchange Ltd., 1992.
- Bloch 1921 — *Bloch M.* Réflexions d'un historien sur les fausses nouvelles de la guerre // Revue de Synthèse historique. Т. 7. 1921. P. 13–35.
- Bloch 1969 — *Bloch M.* Souvenirs de guerre, 1914–1915. Paris: A. Colin, 1969.
- Fink 1992 — *Fink C.* Marc Bloch: The historian as patriot // History of European Ideas. Vol. 15. Issues 4–6. 1992. P. 839–844.
- Hamacher 2005 — *Hamacher G.* Gegen Hitler. Deutsche in der Résistance, in den Streitkräften der Antihitlerkoalition und der Bewegung "Freies Deutschland": Kurzbiografien. Berlin: Karl Dietz Verlag, 2005. (Manuscripte der Rosa-Luxemburg-Stiftung; 53).
- Lerner 2017 — *Lerner R. E.* Ernst Kantorowicz: A life. Princeton; Oxford: Princeton Univ. Press, 2017.

References

- Bloch, M. (1921). Réflexions d'un historien sur les fausses nouvelles de la guerre. *Revue de synthèse historique*, 7, 13–35. (In French).
- Bloch, M. (1969). *Souvenirs de guerre, 1914–1915*. A. Colin. (In French).
- Bloch, M. (1990). *L'étrange défaite. Temoignage, écrit en 1940*. Gallimard.
- Boitsov, M. A. (2014). Tri knigi Kantorovicha [The three books written by Kantorowicz]. In E. Kh. Kantorovich [= Kantorowicz]. *Dva tela korolia: Issledovaniia po srednevekovoi*

- politicheskoi teologii* (M. A. Boitsov, & A. Iu. Seregina, Trans., pp. 9–59). Izdatel'stvo Instituta Gaidara. (In Russian).
- Filippov, I. S. (2023. Forthcoming). Korsunskii Aleksandr Rafailovich. *Bol'shaia rossiiskaia entsiklopediia* (Electronic ed.). (In Russian).
- Fink, C. (1992). Marc Bloch: The historian as patriot. *History of European Ideas*, 15(4–6), 839–844.
- Hamacher, G. (2005). *Gegen Hitler. Deutsche in der Résistance, in den Streitkräften der Antihitlerkoalition und der Bewegung "Freies Deutschland": Kurzbiografien*. Karl Dietz Verlag. (In German).
- Huizinga, J. (1959). *Men and ideas: History, the Middle Ages, the Renaissance. Essays* (J. S. Holmes, & H. van Marle, Eds.). Princeton Univ. Press.
- Kantorowicz, E. (1927). *Kaiser Friedrich der Zweite*. Georg Bondi. (In German).
- Konstantinov, A. A. (2007, December 7). On slovom pravdy pobezhdal vraga [He defeated the enemy with the word of truth]. *Nezavisimaja gazeta*. (In Russian).
- Kozlov, M. M. (Ed.) (1985). *Velikaia Otechestvennaia voina, 1941–1945: Entsiklopediia* [The Great Patriotic War, 1941–1945: Encyclopaedia]. Sovetskaia entsiklopediia. (In Russian).
- Le Goff, J. (1983). Préface. In M. Bloch. *Les rois thaumaturges. Étude sur le caractère surnaturel attribué à la puissance royale, particulièrement en France et en Angleterre* (pp. i–xxxvi). Gallimard. (In French).
- Lerner, R. E. (2017). *Ernst Kantorowicz: A life*. Princeton Univ. Press.
- Mil'skaia, L. T. (2000). Aleksandr Rafailovich Korsunskii (1914–1980). In G. P. Sevost'ianov, L. P. Marinovech, & L. T. Mil'skaia (Eds.). *Portrety istorikov. Vremia i sud'by, Vol. 2, Vseobshchaia istoriia* (pp. 243–247). Universitetskaia kniga; Gesharim. (In Russian).
- Mil'skaia, L. T. (2002). Vospominaniia E. V. Gutnovoï i ikh dostovernost'. [E. V. Gutnova memoirs and its authenticity]. In A. A. Svanidze (Ed.). *Srednie veka* (Vol. 63, pp. 394–401). Nauka. (In Russian).
- Mil'skaia, L. T., & Var'iash, O. I. (1983). A. R. Korsunskii kak istorik-medievist [A. R. Korsunsky as medievalist]. *Srednie veka*, 46, 275–290. (In Russian).
- Moskalenko, A. E. (1980). Pamiati A. R. Korsunskogo [In memory of Alexander Korsunsky]. *Vestnik Moskovskogo universiteta, Ser. 8, Istoriia, 1980*(4), 94–96. (In Russian).
- Obraztsov, I. V. (2015). Sotsiologicheskie issledovaniia v voiskakh v gody Vtoroi mirovoi voiny: analiz zarubezhnogo opyta [Sociological research among soldiers in the period of the Second World War: Analysis of foreign experience]. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 2015(11), 97–107. (In Russian).
- Pankov, Iu. (2001, June 15). Master spetspropagandy [Master in the field of special propaganda]. *Krasnaia zvezda*. (In Russian).
- Var'iash, O. I. (1982). Pamiati A. R. Korsunskogo [To the memory of A. R. Korsunsky]. In A. N. Chistozvonov (Ed.). *Srednie veka* (Vol. 45, pp. 381–382). Nauka. (In Russian).
- Var'iash, O. I. (1991). Zasedanie pamiati A. R. Korsunskogo [Seminar dedicated to the memory of Alexander Kosunsky]. In A. N. Chistozvonov (Ed.). *Srednie veka* (Vol. 54, pp. 265–266). Nauka. (In Russian).
- Vozhakin, M. G. (Ed.) (2006). *Velikaia Otechestvennaia voina. Komkory: Voenni biograficheskii slovar'* [The Great Patriotic War: Army Corps Commanders. A Dictionary of Military Biographies] (Vol. 1). Kuchkovo pole. (In Russian).
- Vyrodov, I. Ia., Sekirin, M. K., Korotkov, G. I. et al. (1974). *V srazheniakh za pobedu. Boevoi put' 38-i armii v gody Velikoi Otechestvennoi voiny, 1941–1945* [In the battles for victory: The campaign record of the 38th Army during the years of the Great Patriotic War, 1941–1945]. Nauka. (In Russian).

* * *

Информация об авторе

Олег Валентинович Ауоров

*кандидат исторических наук
доцент, ведущий научный сотрудник,
Лаборатория античной культуры, Школа
актуальных гуманитарных исследований,
Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ*

*заведующий кафедрой всеобщей
истории, Институт общественных
наук, Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ*

*Россия, 119571, Москва, пр-т
Вернадского, 82*

Тел.: +7 (499) 956-96-47

*доцент, кафедра всеобщей истории,
исторический факультет, Российский
государственный гуманитарный
университет*

*Россия, 125047, Москва, Миусская пл., д. 6
Тел.: +7 (495) 250-61-18*

✉ olegaurov1@yandex.ru

Information about the author

Oleg V. Aurov

*Cand. Sci. (History)
Assistant Professor, Leading Researcher,
Laboratory for Classical Culture, School
for Advanced Studies in the Humanities,
The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public
Administration*

*Head of the Department of World History,
Institute of Social Sciences, The Russian
Presidential Academy of National Economy
and Public Administration*

*Russia, 119571, Moscow, Prospect
Vernadskogo, 82*

Tel.: +7 (499) 956-96-47

*Associate Professor, Department of General
History, Historical Faculty, Russian State
University for the Humanities (RSUH)*

Russia, 125047, Moscow, Miusskaya Sq., 6

Tel.: +7 250-61-18

✉ olegaurov1@yandex.ru